

29/АВГ 1939

МОСКВА

Спектакли театра им. Марджанишвили

Можно понять, что привлекало Марджанова к этому заманчивому и веселому путешествию — в сущности не комедия даже, а именно настоящее повествование. Написанная в 80-х годах В. Антоновым пьеса «Затмение солнца в Грузии» примыкает к типу героико-эпических в то время и на русский язык однократных и многократных повествований о «восточных похождениях».

На легком приятном материале Марджанов продемонстрировал, как из делан и на серой классической материале «Урвала Ахоста», свое понимание театральной формы. В этом милом путешествии, от которого исходит неуловимый аромат старых ватей и старой комедийной путаницы, пыльную фантазию постановщика привлекала возможность превратить волевым и ярким, вышедшем волею красками и тонами жизни театральных зрителей — в демонстрацию «театра призраков»: Марджанова привлекала возможность показать все свое мастерство режиссера, все остроумную игру мизансцен, «толпы», создать яркий «игровой» спектакль-литературный.

И вот спектакль разработан блестяще на 3 акта с обилием «восточных» сцен, эпизодов и проходящих лиц — и смотрится с несомненным интересом. Этот интерес обусловлен прежде всего развитием самобытной народной пьесы, на которой современному зрителю, в сущности, нет никакого дела, но который знает и образы, а вообще режиссерский искусственный составитель спектакля «орле».

В большом втором акте действующие лица появляются на сцене буквально на одну-две минуты, чтобы промолвить несколько слов и этим поддерживать ускользающую от зрителя сюжетную нить. Само по себе содержание пьесы так незначительно (флирт русского офицера с купеческой дочкой), что вы не имеете ничего против того, чтобы «режиссерский театр» своей превосходной, очень детально разработанной пышной «рамой» накрыл всю «картину, то-есть саму пьесу, ее содержание».

Основным героем спектакля Марджанов сделал «старый» Тифлис, этот чудовый старый город, во всей театральной правде на комедия дель арте — яркости его красок, лиц и его уличной жизни. Спектакль вышедший изловчиться эпизодами, охватывая широко разработанными, хотя и не имеющими никакого отношения к «своей» сюжетной линии, действиям.

На фоне красочной декорации (художник В. Сидимов-Вротаки) живет своей уличной жизнью сам город. Купец беседует с друзьями, а тут же приходит в квартиру молодого и делает на палке зарубку о числе пришедших валер воли; брадобрей тут же на улице бреет клиента; прохожие проплывают ошмой, рыбки.

Весь второй акт, где огромная нить основной пьесы является только обозначенным поводком для покая театральной «толпы», вылет блестяще развернутой картины тифлисского баара. Здесь очаровательно группа из трех кинтов, особенно стильна условная «маска» их покая (арт. Швангулидзе). Вообще же думается, что в этой сцене и спектакль в целом недостает соответственного темпа. Хотелось бы меньшей заманчивости ряда эпизодов, больше действия, большей легкости, динамичности, внутреннего огня. Это ведь легкая, темпераментная «комедия масок». Почему же порою вся «игра» кажется здесь замедленной в темпе?

Просто и правдоно играет купца Карпачева Гончарова. И все же сама по себе очень хорошо проведенная сцена с ролями кажется бытовистски интимной и не «экономной» в общем игровом строе спектакля. Очень хороша сцена бабушки Неве (прекрасно исполняемая Черкинишвили, напоминавшая нам живую свою артистическую манеру и передачей текста покойную М. М. Блюменталь-Тамарину).

Сцены центральной в пьесе пары — влюбленного офицера и хорошенькой купеческой дочки — разрешены театром очень точно в духе пародийных вариаций на тему Ромео и Альтианы.

Арт. Годинашвили (Чилимаков) ведет свою «игру» порою бесстрастно, серьезно,

почти без улыбки. Иному зрителю спервоначала и неадекватно, что это только «игра», и он готов принять серьезное поругание как психологический образ. Такого «серьезная» маска свидетельствует только о большой артистической точности восприятия и придает ему особую свежесть нотам.

Мы остановились так подробно на этом, наиболее интересном спектакле в нынешних гастролях театра потому, что здесь очень ярко демонстрируется основная театральная идея Марджанишвили.

Другой марджановский спектакль, «Урвал Ахоста», хорошо известный московскому зрителю по предыдущим гастролям театра (у Корна), сейчас представляет главным образом исторический интерес. Одаренный блестящей творческой фантазией, Марджанов вложил в условно-стилизованную форму свое понимание начал искусства, задал режиссерский и смысловой составитель едкого «эстетического» сценического пейзажа. Полное отсутствие «вещей» на сцене, строгое скульптурное оформление (более на черном бархате), вычужденные мизансцены (например в синагоге), условно пластические позы и жесты, условные ритмические движения, музыкальный фон спектакля охватывает его творческой строй. В таком же духе был разрешен и другой интересный спектакль Марджанова на русской (кормской) сцене — «Строитель Соляной».

Но такое разрешение спектакля далеко

было от формализма, ибо содержание спектакля выражалось в атмосфере аустрейного творческого подвига, создаваемого превосходным эмоционально-насыщенным исполнением актеров. Прежде всего — вдохновенным, пылающим трагической мыслью Урвалем — Ушанга Чхедва и навываемо-трогательной и чистой Юлией — Верико Анджапаридзе.

Сейчас же спектакль в большей его части исчезло это трагическое дыхание, он существует только как копия а самого себя, и в нем не чувствуется никого революционного и актерского жару; пафос мысли, пафос борьбы и горения подменяется риторической декламацией, а в спектакле видны одни лишь формы «стилизованного» представления.

Оба марджановских спектакля — рядом с другими, позднейшими постановками — открываются с большой четкостью основной для театра вопрос — о его творческих путях в искусство.

Пути реализма многообразны, и марджановцев не может не волновать выбор этих путей. В недрах театра чувствуется наличие разных течений, некоей методологической борьбы.

Театр имеет хорошие, частью превосходные, условия. Для того чтобы раскрыть их дарования, он нуждается в четком художественном руководстве, в режиссуре, стоящей на высоте современных требований к искусству.

Д. ТАЛЬНИКОВ